

ГЛАВА 1

Перемены

Сегодня она выглядела особенно красивой и модной. Светлые прямые волосы уложены в новую прическу. Голубые тени — под цвет ярких глаз, на губах играет перламутровый блеск. Короткая розовая юбка, нежно-голубой топ, поверх него розовая мягкая кофта крупной вязки. Стройные ножки обтянуты гольфами до колен. Замшевые туфли со стразами, на тонком каблуке. Аксессуары на уровне: маленькая голубая сумочка, того же цвета заколки, ремень. Наращенные длинные ногти, на тонких изящных пальцах золотые кольца, а на запястье — новенький, привезенный мамой из Италии браслет. Инна не могла им налюбоваться. Он блестел и переливался в солнечном свете, проникающем через грязные окна школьного холла, притягивая ее взгляд точно магнитом.

Какой-то первоклассник пробежал мимо и случайно пихнул ее. Инна взмахнула руками и, еле удержавшись на тонких каблуках, крикнула:

— Чертова малышня!

Мальчик давно убежал, а если бы и услышал ее, то вряд ли обратил бы внимание, зато ее услышала директриса, выплывшая из своего кабинета подобно утке из зарослей.

— Высотина! — Пронзительный голос Галимовой разнесся по холлу.

Учащиеся стали оборачиваться, Инна тоже нехотя повернула голову, приготовившись выслушать очередную лекцию о том, как следует вести себя в стенах школы. И она не ошиблась. Галимова перво-наперво скользнула по ней взглядом маленьких глаз из-под круглых очков, словно оценивая, насколько неприличен ее сегодняшний прикид. Судя по тому, как исказилось круглое лицо директрисы, юбка показалась ей коротковатой, а топ — излишне прозрачным.

— Уважаемая Высотина, — многообещающим тоном начала Галимова, складывая толстые губы бантиком, — кто же вам, звезде очей нашей современности, сказал, что в моей гимназии отменили приличный внешний вид?

— Здравствуйте, Лариса Филипповна, — певуче протянула Инна, нарочно игнорируя вопрос директрисы.

Галимова демонстративно скрестила тонкие руки на огромной груди, показывая тем самым, что на этот раз Инне уйти от ответа не удастся.

— Знаете, Высотина... — после недолгого молчания заговорила директриса, но Инна ее перебила, восторженно воскликнув:

Гламур в токоладе

— Какая прелесть!

Галимова нахмурилась.

— Где? Что?

— Да вот же. — Инна указала на брошь в виде паука, приколотую у директрисы на груди.

— Ах, это... — порозовела директриса и скромно заметила: — Муж подарил.

«Ну и болван же ее муж», — мысленно подивилась Инна, продолжая искусственно улыбаться.

Галимова быстро взглянула на часы.

— Так, мне нужно идти... — Она смерила Инну взглядом с ног до головы и только открыла рот, чтобы еще что-то сказать, но Инна ей не позволила, выпалив:

— Скажите, Лариса Филипповна, а где ваш муж купил эту чудесную брошку?

Директриса тяжело вздохнула и, махнув на нее рукой, отправилась по своим делам.

Инна огляделась. Неподалеку разместились стайка восьмиклассниц, подражавших ей абсолютно во всем. Девочки приветливо ей помахали. Она ответила им сдержанным кивком и медленно, чтобы все могли посмотреть и полюбоваться, пошла через холл к лестнице.

— Инна, привет! — окликнул Высотину очкастый старшеклассник.

Она улыбнулась и, не задерживаясь, пошла дальше, ловя на себе восхищенные взгляды. У двойных дверей, ведущих на лестницу, она остановилась, чтобы оценить собственный портрет в деревянной

рамочке, над которой красивыми буквами было выведено «Доска почета». Уже месяц ее фотографии висели на каждом этаже, вызывая зависть у всех девчонок школы. Этот снимок нравился Инне больше других: на нем она была в своем любимом красном платье, обнимала плюшевого медвежонка и выглядела необыкновенно милой.

Взгляд ее медленно переместился на другую половинку двери, где в такой же рамке висел портрет десятиклассника. Самого крутого мальчика школы, голубоглазого брюнета Артема Приступова. Другие мальчишки считали за честь дружить с ним, девчонки сохли по нему, учителя его уважали, а она — счастливая обладательница титула самой популярной девочки школы — позавчера на дискотеке, которую директриса устраивала по субботам, согласилась с ним встречаться. Теперь это был ее Артем и больше ничей. Даже его бывшая девчонка, губастая Любка из одиннадцатого «А», предпочитала с Инной не связываться — боялась.

Проворные шестиклашки, бегавшие за Инной хвостиком, куда бы она ни шла, распахнули перед ней двери и, весело болтая, побежали вниз. Инна начала степенно спускаться по лестнице. Каждый школьный день она упивалась своим триумфом. Три года с того дня, как она перешла в эту гимназию, не пропали впустую: ее обожали, за ней все повторяли — это было ее королевство, где она поистине правила. Инна улыбнулась своим мыслям. Она с субботы еще не видела Артема и специально

разыскивала его, чтобы показаться юноше в своем новом прикиде.

«Он будет сражен», — с упоением думала Инна, изящно переставляя ножки в новых туфлях и стараясь, подобно моделям на подиуме, держать спину прямо, как по линейке.

Инна уже почти дошла до первого этажа, когда вдруг услышала чьи-то голоса под лестницей. Этот звонкий и тонкий голосок она сразу узнала. Ее подруга, Катька Мутина, с которой она сидела за одной партой и которую посвящала во все свои тайны, сладким голосом говорила:

— А сегодня, сегодня слышали бы вы, что она ляпнула... я просто в отпаде! Историк, значит, спрашивает: «Высотина, ты хоть знаешь, когда Вторая мировая была?» — а она знаете что ответила?! Говорит: «В глянцевах журналах не печатают рассказов о войне». Во дура!

Послышался громкий смех.

Инна замерла на ступеньках. Она не могла поверить своим ушам! Катька всегда ее поддерживала, хвалила ее за остроумные ответы учителям, они считались лучшими подругами...

Смех прекратился, послышался другой голос, который Инна тоже узнала. Говорила губастая Любка, бывшая девица Артема:

— А видели, что она сегодня напялила? Такие кофты моя бабушка носит!

Снова смех.

Инна прижалась к перилам. Лицо ее горело, в

душе бушевала такая ярость, что казалось, девушка сейчас взорвется.

Какой-то парень, смеясь, бросил:

— Тупая блондинка — это форевер!

И снова все засмеялись, а громче всех хихикала Катька. Предательница!

— Два хвостика, — фыркнула Любка, — еще бы две косички заплела. Четырнадцать лет — ума нет и уже не будет.

— А вы видели ее собачонку? — давясь от смеха, пропищала Катька.

— Нет, а что у нее за собака? — спросил какой-то мальчик.

— Йоркшир, и она одевает его в розовые шмотки. Видели бы вы! То еще зрелище. Псина такая же глупая, как хозяйка. Его Гламуром зовут!

Инна крепко сжала планку перил. Она была готова выцарапать подлой подружке глаза и сдерживалась из последних сил. «Ну, я тебе покажу, гадина, подожди, посмотрим, кто будет смеяться последней», — гневно думала она, прислушиваясь к насмешкам. Но вся ее жажда мести улетучилась, как только она услышала вопрос, заданный язвительной Любкой, и не кому-то, а Артему — ее Артему, с которым она только позавчера танцевала, обнималась и согласилась встречаться!

— Артемка-Артемка, ну и девочку ты себе выбрал! Без слез не взглянешь.

Инна не слышала, что ответил Артем, его слова поглотил новый взрыв смеха, да и не хотелось ей больше ничего знать. Было достаточно того, что он

Гламур в токоладе

находился там, слушал, как о ней говорят гадости, и смеялся вместе с другими.

Глаза Инны нестерпимо жгли злые слезы. Она стояла, вцепившись в перила, и желала провалиться сквозь землю. Впервые ей хотелось умереть, лишь бы забыть все, что она услышала.

— Пойдемте, скоро звонок, — сказала Катька, — сейчас инглиш, может, наша глупенькая королева еще что-нибудь отколет, потом расскажу.

Инна присела на корточки за перилами. Она увидела, как из-под лестницы выходят знакомые ей девчонки и парни. Последним появился Артем. На его плече повисла Любка. Ребята завернули за угол, но Инна успела услышать, как Любка спросила:

— Так мы пойдем в кино?

Раздался звонок, но Инна не двинулась с места. В голове ее творился самый настоящий кошмар, в такой растерянности она не пребывала еще никогда. Слезы текли в три ручья, их никак не удавалось остановить, сколько она ни вытирала щеки рукавом. От губастой Любки она могла ожидать чего угодно, но только не от Кати, ближайшей подруги, не от тех мальчишек, которые совсем недавно признавались ей в любви, и не от девчонок, восхищавшихся ее вкусом! Ножом в спину казался Инне их смех. Словно ее, лежащую, отпинали ногами все ученики школы и самый болезненный удар нанес Артем. Под дых — удар, от которого невыносимо больно, от которого задыхаешься и невозможно глотнуть воздуха.

Стих топот ног спешащих на уроки учеников,

закрылись двери кабинетов, опустели коридоры — Инна осталась в одиночестве и тишине. В ее ушах продолжал звучать смех. Она спустилась на первый этаж и быстро двинулась к выходу из школы. Дежурные девочки проводили ее изумленными взглядами и зашептались. У самого выхода ее остановил молодой охранник.

— Высотина раньше всех заканчивает учебный день?! — насмешливо спросил он.

— Пропусти, — не глядя на него, буркнула Инна.

В любой другой день она бы остановилась и пофлиртовала с симпатичным охранником, как делала всегда, но только не сейчас.

— А пропуск у тебя есть? — задержал ее молодой человек, ухватив девушку за локоток.

Инна гневно уставилась на него.

Пальцы охранника разжались.

— Эй, ты чего?

— Ничего... — прошептала она, толкая перед собой дверь. — Я просто тупая блондинка.

Она слышала, что он выбежал вслед за ней, но не остановилась. На улице стояла ясная осенняя погода. Асфальт и все еще зеленые газоны покрывали желто-красные листья. Хотелось кричать от ощущения бессилия. Инна достигла домов, лишь тогда обернулась и посмотрела на школу, где еще полчаса тому назад она чувствовала себя хозяйкой. Теперь ей было ненавистно это серое строение с решетками на окнах.

Дома, забившись в угол на своей огромной кровати, она плакала, пока не пришла мама.

Гламур в шоколаде

— Инна, что случилось? — испуганно воскликнула мать, распахивая мягкие игрушки и присаживаясь рядом с дочерью.

— Ничего.

В комнату, привлеченный всхлипываниями хозяйки, прибежал Гламур и звонко затыкал.

— Смотри, твой любимец прискакал, — мать подняла щенка на кровать, — милая, посмотри только, как он переживает за тебя!

Инна оттолкнула собаку.

— Убирайся! Глупый пес!

— Тебя кто-то обидел? — допытывалась мать, поглаживая вздрагивающие плечи дочери. — Расскажи мне. Ну давай же, мы обязательно что-нибудь придумаем!

— Меня все ненавидят! — выкрикнула Инна. — Что тут можно придумать?!

Мать всплеснула руками.

— Инночка, ну что ты такое говоришь...

— Да! Все именно так!

— Дорогая, если это из-за тех часиков, которые мы не купили тебе...

— Мама, — взывала Инна, — ты ничего не понимаешь!

— Так объясни же мне! Еще утром ты была такая довольная, радовалась...

Инна вскочила с кровати и подбежала к столу, над которым висел огромный постер с Перис Хилтон.

— Что ты хочешь сделать?.. — Мать растерянно поднялась.

Инна ухватила за край плаката и резко потянула его на себя. Она рвала постер со своим кумиром до тех пор, пока он не превратился в горку мусора на полу. Тогда она схватила с края стола стопку глянцевого журналов и не успокоилась, пока не изорвала их все. Мать молча наблюдала за ней, но вмешиваться не пыталась. Гламур путался в ногах, громко лая.

Слезы застилали ей глаза, когда она обрезала наращенные ногти, которыми так гордилась. Никакой жалости Инна не испытала, и вышвырнув из шкафа розовые короткие юбки, откровенные топы, оставив один спортивный костюм, джинсы и пару толстовок, оставшихся еще со времен ее прежней жизни, в которой не было места гламуру и прочей ерунде. В жизни, где она не была самой популярной девочкой в школе, а кто-то поговаривал о ней как о «заучке, не умеющей тусить» — скучной и серой. Тусить она научилась, так же как быть веселой и яркой, только счастья это ей не принесло. Раньше Инна считала, что она абсолютно счастлива, что сделала правильный выбор. Раньше — пока не узнала, что именно окружающие думают о ней на самом деле. Она могла бы забыть или попытаться сделать вид, что забыла, убедить себя, что все, сказанное ребятами под лестницей, говорилось ими от зависти. Ведь она такая успешная, красивая и модная, ей не могут не завидовать, каждый метит на ее место! Все могло быть именно так, если бы только, услышав злые слова из-под лестницы, она не поняла, что это — правда. Она стала сама себе

Гламур в шоколаде

противна. Больше не хотелось быть гламурной блондинкой, корчить из себя глупенькую и играть бесконечную роль ради популярности, в конечном счете не стоившей того. Да, у нее были поклонники, которые клялись ей в любви, а когда она отворачивалась — называли ее тупой, были подруги с желчной слюной. Ей подражали, но не потому, что она кому-то нравилась, а чтобы скопировать успешный образ.

Инна взглянула в зеркало и, вынув из глаз голубые линзы, ожесточенно бросила их на пол.

— Ненавижу, — прошептала она, глядя на свое отражение, откуда на нее смотрела заплаканная кареглазая девочка, которую она окончательно убила в себе три года тому назад, изменив себя до неузнаваемости.

— А так даже лучше, — подала голос мама, тихонько сидевшая в сторонке.

— Да, — впервые за долгое время согласилась с ней Инна, — так лучше.

— Пойдем покушаем?

Она хотела согласиться, но потом взгляд ее снова упал в зеркало.

— Нет, у меня еще столько дел.

Инна поднялась.

— Ты куда? — заволновалась мать.

Инна ничего не ответила, лишь задумчиво улыбнулась.

Следующие два часа она провела в кресле парикмахера. Ее покрасили в родной каштановый цвет. Волосы после мытья головы закрутились в мелкие

кудряшки, которые она каждое утро так старательно выпрямляла. Милая парикмахерша с приятным голосом сказала, что родной цвет ей идет куда больше, чем светлый, и посоветовала не выпрямлять волосы. Инна и не собиралась их выпрямлять, не хотела, чтобы ей что-нибудь напоминало о глупой блондинке, которую она с таким «успехом» изображала так долго.

Проходя мимо книжного магазина, Инна зашла купить книгу по истории. Школьную программу она знала отлично, на вопрос историка о Второй мировой могла бы ответить с блеском, только это не вписывалось в образ гламурной девочки, а разрушать его до сегодняшнего дня она даже не думала.

Инна видела, с каким уважением на нее посмотрела продавщица, — и на душе стало так хорошо, как давно уже не было. На малую капельку, но полегчало. Пусть о ней думают как хотят, но она не глупая! Она была глупой, когда заваливала предметы, чтобы казаться легкомысленной, когда ходила в неудобной одежде и мучила ноги туфлями на каблуках, а теперь все будет по-другому.

Дома ее ждал сюрприз в лице двоюродной сестры, изумленно ахнувшей при виде ее.

— Что ты с собой сделала? — воскликнула Аня, оглядывая Инну, как некую диковинку. — А это что у тебя?! — еще больше удивляясь, спросила сестра, кивая на книгу по истории.

— Ничего я не сделала, так и должно быть. — Инна прошла в свою комнату и положила книгу на

Гламур в токоладе

стол. Сестра шла по пятам и так просто оставлять ее в покое явно не собиралась.

— Ты белены, что ли, объелась? Я ведь только неделю назад ходила с тобой в салон, корни тебе подкрашивали! Помнишь?

— Ну и что, а теперь я не блондинка и никогда больше ею не стану.

Аня подозрительно оглядела свои светлые волосы и спросила:

— А что ты имеешь против блондинок?

— Ничего. Просто я так решила.

— У тебя семь пятниц на неделе, — проворчала сестра, недоуменно разглядывая ее. — А что с линзами? Я думала, ты без своих голубых глаз не выходишь...

— Теперь выхожу, — непреклонно заявила Инна, сгребая со стола блестки.

Сестра вздохнула и взяла на руки прибежавшего в комнату щенка. Наигравшись с Гламуром, Аня серьезно посмотрела на Инну.

— А можешь объяснить, чем, например, вчерашний день отличается от этого сегодняшнего «теперь»?

— Не могу.

— Я думала, мы подруги...

Инна ничего не стала на это отвечать, продолжая молча убираться на столе.

— Катюху твою видела сегодня, — обронила Аня, — она о тебе спрашивала, говорит, ты с уроков ушла?

— Ага, — беспечно пожала плечом Инна.

— А почему?

— Голова заболела. Магнитные бури, знаешь, есть такие.

Сестра поперхнулась.

— Я-то знаю... есть такие. — Зеленые глаза сестры все больше округлялись. — Я вот тебя что-то не узнаю!

— Вот и хорошо, — еле заметно улыбнулась Инна. Аня помолчала.

— Кстати, почему ты ничего не говоришь про мой новый свитер? — Сестра поднялась и покрутилась на месте. — Как тебе?

Инна окинула быстрым взглядом ярко-красный свитер, открывающий одно плечо, и кивнула.

— Свитер как свитер.

— Инна! — вскричала сестра. — Да что с тобой? Прекрати ты убираться! Мы ведь позавчера целый час вертелись в магазине возле этого свитера. Помнишь?

— Помню, помню я все! — яростно крикнула Инна. — Мне больше это неинтересно! Плевать мне на тряпки, понимаешь?!

— Да... кажется... — Аня подошла к двери. — Я, пожалуй, пойду. — Сестра взялась за ручку и обернулась. — Ну, Ин, звони, поболтаем.

Инна, уже пожалев, что она так резко говорила с сестрой, подбежала к Анне и крепко ее обняла.

— Прости, я не хотела тебя обижать. Прости... день у меня сегодня такой сумасшедший.

— Да ладно, все нормально, я понимаю, тетя Ни-

Гламур в шоколаде

на меня предупредила. Я думала, настроение смогу тебе поднять.

— Ты и подняла, — соврала Инна, — правда подняла.

Гламур прыгал вокруг них и громко лаял.

Аня нагнулась к нему и потрепала песика по мохнатой голове.

— Пока, малыш, до скорого.

Инна наблюдала картину их прощания. Неожиданно она предложила:

— Хочешь, забирай его?

Сестра подняла голову:

— Что ты сказала?

— Говорю, бери себе Гламура, он явно тебя больше любит, чем меня.

Сестра озабоченно нахмурилась.

— Ин, ты что ерунду говоришь, любит он тебя, просто уделяй ему побольше внимания. Щенки обожают играть. — Аня с улыбкой погладила притихшую собаку.

— Да знаю я, но, думаю, ему будет лучше у тебя.

— Ты серьезно? — Сестра неловко поднялась. — Ин, я люблю твоего песика и была бы только рада взять его, но ты ведь передумаешь, пожалеешь о своем решении.

— Нет, я не буду жалеть. — Инна подняла щенка и сунула его в руки ошарашенной сестре. — Забирай его, а потом как-нибудь зайдешь, я его одежду отдам.

Выпроводив никак не верившую в свое счастье сестру, Инна пошла в кухню. Мама, как обычно,

хлопотала у плиты, папа только вернулся с работы и щелкнул телевизионным пультом.

— Привет, солнышко, — поздоровался отец, не глядя на Инну.

— Привет.

— Как в школе?

Мать схватилась за сердце и пробормотала:

— Паша, ты только посмотри на нее!

Отец оторвал глаза от экрана телевизора. Сперва на его лице отразилось крайнее недоумение, затем он засмеялся.

Инна нахмурилась: не такой реакции она ожидала.

Отец вернулся к просмотру программ, обронив:

— Я ведь говорил тебе, Нина, что блондинка — это временно.

Мать усадила дочь за стол и чмокнула ее в висок:

— Так тебе намного лучше.

Инна придвинула к себе тарелку.

— Слышал, ты отдала собаку сестре? — заметил отец.

— Паша, прекрати, — попыталась оборвать его мать.

— Нина, спокойнее, я просто интересуюсь.

Мать отвернулась к плите, а Инна тихо ответила:

— Да, Гламуру будет лучше у Ани.

— Ну что ж, лучше так лучше, — отец криво улыбнулся, — надеюсь, ты не думаешь, что я куплю тебе новую собаку, потому что если так, то ты...

— Нет, я ничего подобного не думаю.

Гламур в шоколаде

— Вот и хорошо. Будем надеяться, на сегодня это все новости.

Мать села за стол.

— Так и есть, Паша, больше никаких новостей.

Инна взяла вилку:

— Вообще-то это не все новости...

Родители напряженно посмотрели на нее.

Инна набрала в легкие побольше воздуха и произнесла:

— Я перехожу в другую школу.

Отец равнодушно махнул рукой.

— Переходи, лишь бы это ничего мне не стоило.

Мама отреагировала иначе:

— Паша... прекрати! Инна, как же так?! Опять в новую школу? А эта чем тебе не новая?

— Школа постарела, — хмыкнул отец.

Инна вздохнула. Она догадывалась, что мама будет против, но не ожидала, что настолько категорично.

— Ну, скажи ты мне, кто там тебя обидел? Убегать — не выход! Так можно долго менять школы!

— Всего лишь третья, кто-то и по пять-шесть школ меняет.

— Кто? Кочевники разве что, — бушевала мать.

— Нина, пусть меняет, если хочет, ты-то что руками машешь, ей программу догонять придется, а не тебе, — просматривая газету, спокойно заметил отец.

— Во всех школах одна и та же программа! — заявила Инна.

— Инна, — строго начала мать, — прошлую

школу я позволила тебе сменить, когда ты была круглой отличницей, а сейчас что... одни тройки, в какую школу тебя теперь возьмут?

Инна вскочила с места.

— Я не буду больше учиться в этой школе. Я пойду в другую!

Мать плотно сжала губы.

— Ну хватит, твои прихоти мне надоели. Ты будишь учиться в этой! Обучение — это не шутки.

— Я пойду в другую!

— Нет, не пойдешь, — отрезала мать.

— Пойду! Вот увидишь! — выбегая из кухни, крикнула Инна, решившая во что бы то ни стало добиться своего.

ГЛАВА 2

В новой школе

И она пошла.

Через неделю ее документы перевели в другую школу. Галимова недоумевала, что подвигло девочку, чья фотография висит на доске почета, куда-то уходить, даже порывалась переубедить Высотину, но из этого ничего не вышло. Инна прервала всякое общение с теми, кто имел хоть какое-то отношение к прежней школе. На звонки друзей не отвечала и родителям запретила. Папе в конце концов это надоело, он купил АОН, и Инна внесла множество номеров в черный список, а возглавили его те-

Гламур в шоколаде

лефоны Артема и Кати, с особой настырностью названивавшей Инне.

Инна стояла возле кабинета директора и ждала, когда ее отведут в класс. Сегодня был первый день в новой школе. Она долго выбирала, что надеть, в итоге остановила свой выбор на обычных голубых джинсах, белом свитере и кроссовках. За неделю она привыкла к удобной практичной одежде, словно и не носила никогда всех этих юбок, каблучков и кофт, в которых только и думаешь, как бы скорее забраться под одеяло, иначе шея мерзнет...

Дверь кабинета открылась, вышел молодой мужчина и приветливо ей улыбнулся.

— Инна? — спросил он.

— Да.

— Тарасов Константин Викторович, — представился мужчина и, видя ее замешательство, пояснил: — Директор школы.

Поскольку о ее переводе договаривалась мама, Инна пришла сюда впервые, и никто ее не предупредил, что директор школы так молод и хорош собой.

— Идем, покажу тебе твой класс.

Пока они шли, Константин Викторович заметил:

— Я разговаривал с директором твоей бывшей школы, она хорошо о тебе отзывалась.

Инна робко кивнула. В компании этого симпатичного мужчины она чувствовала себя не в своей тарелке.

— Говорят, твоя фотография висела на доске почета, — продолжал директор, не замечая ее смущения, — у нас тут такого нет.

Инна пожала плечами.

— Ну и что?

Он засмеялся.

— Я к тому, не будешь ли скучать по былым почестям?

— Нет, — быстро ответила она, чем немало его удивила.

— А еще меня предупредили, что к твоему внешнему виду нужно привыкнуть. Не знаешь почему? — Директор окинул ее скорым взглядом.

— Не знаю. — Инна снова пожала плечами и подумала о том, какой, наверное, бестолковой она выглядит.

Они остановились возле кабинета, Константин Викторович отворил перед ней дверь. Взгляды всех учеников устремились на нее — урок уже начался. Пожилая учительница подозрительно рассматривала Инну, точно оценивая, на что она способна. Директор представил всем новенькую, выразил надежду, что ребята с ней подружатся, и ушел, оставив после себя в классе приятный запах парфюма. Пожилая учительница, чье имя Инна не запомнила, посадила ее на предпоследнюю парту к мальчику с сонными глазами. По всей парте были разбросаны записки.

Урок биологии прошел быстро, Инна даже пожалела, что так скоро прозвенел звонок. Не хотелось объяснять любопытным одноклассникам, почему она перешла в их школу, не хотелось делать вид, что ей хочется с ними подружиться. Пусть Инна находилась тут, в этой школе, но мыслями она

Гламур в токоладе

была еще в старой, такой ненавистной, но все же незабываемой гимназии.

После урока к Инне подошла староста Марина, записала ее домашний телефон и адрес. Другие девчонки сгрудились вокруг них и говорили наперебой, каждая хотела быть полезной для новенькой. Ввести ее в курс дела, все объяснить, предостеречь. Инна не ожидала такого теплого приема, в ее гимназии новичков принимали настороженно, если не сказать — агрессивно. А тут к ней отнеслись словно к родной, никто не расспрашивал о причинах ее появления в школе, напротив, все сами болтали без умолку, у Инны даже возникло впечатление, что никто никого не слушает. За одну лишь перемену Инна узнала, какие учителя — нормальные, а кто совсем больной на голову; кто с кем встретается, какие остались свободные парни, а к кому лучше не подходить, чтобы не нарваться на неприятности. С видом заговорщиц одноклассницы рассказали, что молодой директор — всеобщий любимец и безнадежно занят училкой по химии, физрук клеится к выпускницам, а старая биологичка равнодушна к охраннику — этот поток информации не успевал улечься у Инны в голове.

Радость длилась недолго — до следующей перемены, пока в коридоре Инна не встретила свой собственный гимназийный прототип.

Белобрысая девчонка в компании себе подобных остановила ее и с видом коронованной особы спросила:

— Это ты, что ли, новенькая?

— Да.

Девочки переглянулись и захихикали. К ним подрулил парень и, закинув руку белобрысой на плечи, полюбопытствовал:

— Ну и где новенькая?

Белобрысая снова захихикала:

— Да вот же она!

Парень во все глаза уставился на Инну и покачал головой:

— Да ну, ты чё... Ванька сказал, что она ваще — супер! В той, своей школе она, типа, крутой была.

— Мд-а, — протянула белобрысая, — крутизной тут и не пахнет.

Не привыкшая выслушивать колкости, Инна отреагировала моментально:

— Все верно, крутизной тут не пахнет, тут пахнет потом твоего дружка. — И, резко развернувшись, она пошла в другую сторону. Да, она хотела забыть свой прошлый опыт, но не ценой собственного достоинства!

Инна зашла за угол и столкнулась с директором. Константин Викторович ей улыбнулся.

— Как дела? Уже обвыклась?

— Что-то вроде того, — пробормотала Инна, ощущая, что краснеет.

Из-за угла выскочила белобрысая с диким воплем:

— Где эта новая овца, ну, она у меня сейчас получит!

Директор обернулся:

— Кристина, в чем дело?

Девочка остановилась и, заметив его, лучезарно улыбнулась:

— Ничего, Константин Викторович, я как раз искала свою новую подругу.

Директор насмешливо посмотрел сперва на Кристину, затем на Инну и пробормотал:

— Не хотел бы я быть на месте твоей подруги, Кристи, овца — это не совсем то название, которое годится для друзей.

Он ушел, девчонки остались наедине, если не считать учеников, подоспевших посмотреть, как крутая Кристи задаст жару новенькой.

— За базар свой не хочешь ответить? — наступая на Инну, прошипела Кристина.

Инна молча ждала, когда задиристая девчонка подойдет ближе. Кристина толкнула ее. Со всех сторон слышались свист и крики. В гимназии никто не смел ее толкать, да что там толкать — говорить с ней на повышенных тонах не осмеливались! А если бы кто-то попытался, за Инну нашлось бы кому заступиться, это каждому было известно. А здесь Инна находилась на чужой территории, а точнее, на территории белобрысой Кристины: она явно тут всем заправляла. Инна не знала, как нужно себя вести, что отвечать, нужно ли толкнуть нахалку в ответ или лучше сбежать?

Тем временем Кристина, обрадованная молчанием соперницы, снова ее толкнула, куда сильнее, чем в первый раз. Инна ударилась спиной о стену и озверела. Теперь у нее возникало мыслей о том, что нужно делать. Она подскочила к белобрысой и,

сжав ладонь в кулак, врезала ей прямо в лицо. На какой-то миг повисла тишина, потом все зашумели, а схватившаяся за разбитый нос Кристина завопила как сумасшедшая.

Инна скромно стояла, ожидая, когда верные подруги и друзья белобрысой задиры накинута на нее и в отместку разорвут ее на части, но ничего подобного не произошло.

Немного позже, сидя в кабинете директора и ожидая страшного суда, Инна разглядывала висевшие на стене грамоты. Пришел Константин Викторович. Судя по морщине на его лбу, белобрысая Кристи уже успела изложить ему свою версию произошедшего. Директор сел за стол и устремил на Инну строгий взгляд. Так они смотрели молча друг на друга некоторое время, потом он заговорил:

— Никогда не переходил из одной школы в другую, но догадываюсь, что это нелегкое дело.

Девушке было неловко оттого, что директор говорит с ней таким мягким голосом и, кажется, совсем не сердится. Хотелось оправдаться перед ним, но она продолжала угрюмо молчать.

— Мне отлично известно, что Кристина — не подарок, она очень задиристая, но в нашей школе ее... — он призадумался, — любят и уважают, наверное, что-то вроде того.

— Ерунда!

Инна заметила, как Константин Викторович изумленно моргнул, и тогда сообразила, что высказала свои мысли вслух.

— Ерунда? — повторил он.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ПЕРЕМЕНЫ	5
Глава 2. В НОВОЙ ШКОЛЕ.	22
Глава 3. ГЕРОЙ СТРЕЛКИ.	38
Глава 4. ВОЙНА	55
Глава 5. БЕСПЛАТНЫЙ ЦИРК, ИЛИ СТРАШНАЯ ЛЮБОВЬ	76
Глава 6. УСПЕШНЫЙ ОБРАЗ	94
Глава 7. СТИХИ ДЛЯ ДИРЕКТОРА	111
Глава 8. ВО БЛАГО СЛОМАННЫЙ КАБЛУК	128
Глава 9. РАСПЛАТА ЗА ЛОЖЬ	146
Глава 10. ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ БРЮНЕТКА.	164